
ЛАМА АНДЖАТАН: ИНКАРНАЦИИ УЧИТЕЛЯ

Б.У. Китинов

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

В статье изучается феномен инкарнаций, имевший место среди ойратов и калмыков (торгутов, джунгаров, дербетов, хошутов) в XVI–XVIII вв. Особое внимание уделено инкарнациям известного калмыцкого (торгутского) ламы Анджатана (XVII – сер. XVIII вв.), чья активность оказала значительное влияние на историю буддизма у калмыков. Впервые в отечественной историографии приводится особенный источник – текст на постаменте памятника 19-й инкарнации ламы Анджатана – Лобсан Даньби Ньима (1918–1985), кратко излагающий историю инкарнаций этого буддийского деятеля. Анализ этого текста позволяет заключить, что перерождения ламы продолжились (либо возобновились) после ухода калмыков в Китай в 1771 г. благодаря политике Цинской династии, направленной на использование религии в интересах государства.

Ключевые слова: Анджа (Анджатан), Далай-лама, Тибет, инкарнация, ойраты, калмыки, маньчжуры.

Утверждение тибетского буддизма среди ойратов (западные монголы, также известны как калмыки) и других монголо-язычных народов сопровождалось в том числе появлением и развитием у них такого специфического института, как инкарнация (хубилганство) высших лам. Одну из наиболее ранних инкарнаций у монголов (восточных монголов) следует вести с 1588 г., когда скончался Далай-лама III, давший начало распространению учения школы Гелук среди монгольских племен. Его «перерожденцем» был признан внук хана Алтана, того самого, который десятью годами ранее привечал этого ламу в своей ставке близ озера Кукунор.

Среди ойратов начало инкарнаций следует отнести к сер. XVII в., и этот процесс связан с известными духовными лидерами – Нейджи тоином (1557–1653) и Зая пандитой (1599–1662). Их роль в истории буддизма в Монголии была столь значима, что только с их именами и связывают утверждение учения Гелук как у ойратов, так и у монголов [6. Р. 36–38].

Нейджи тоин получил образование в монастыре Таши-лунпо (bkra shis lhun po), резиденции Панчен Ламы, второго лица в иерархии Гелук; монастырь находится примерно в 200 км от Лхасы. Будущий Зая пандита был «отобран» в монахи Нейджи тоином лично в 1616 г., когда этот знатный лама гостил

у своего отца в Джунгарии. Тогда же в ламы были посвящены по одному сыну известных ойратских ханов: джунгарского хана Хара-Хулы, дербетовского тайши Далая, хошоутского хана Кундулен-Убаши и др. Из источников не совсем ясно, в каком конкретном монастыре проходило обучение Зая, но, согласно Ш. Норбо, «находясь на учении, пребывая в окружении Его Святейшества Далай-ламы и сделавшись ламою, [Зая-пандита] прожил в общей сложности двадцать два года» [4. С. 42]; учитывая его обучение на факультетах цаннид и тантры, и пребывание в Лхасе, можно предположить, что Зая-пандита окончил университет монастыря Дрепунга около 1639 г.

Известными «перерожденцами» почитались также хан Галдан Бошогту (1644–1697) и религиозный деятель, историк Сумба Хамбо (1704–1788). Галдан Бошогту, шестой сын джунгарского Батура хун-тайджи, был признан за инкарнацию Третьего Энса-тулку, Лобсана Тензин Гьяцо (blo bzang bstan 'dzin rgya mtsho, 1605–1643/4), и стал, таким образом, Четвертым Энса-тулку (также известен как Инзан-хутухта). Сумба Хамбо, четвертый ребенок в семье Дорж-Даша и Дашцо (вероятно, джунгарки), стал четвертым «перерожденцем» Сумба Шабдрун Лобсан Дамба Гьялцана – настоятеля монастыря Гонлуна [1. С. 19].

Нейджи тоин и Зая пандита имели звания «хутухта» («перерожденец») за свое подвижничество, но не за религиозную деятельность в предшествующих рожденьях, т.е. не являлись инкарнациями прежних лам. Они начали линии своих собственных инкарнаций (1). Однако у ойратов и калмыков институт перерожденцев не получил такого широкого развития и распространения, как у собственно монголов. Причину такой ситуации ряд ученых видит в военно-политическом и географическом положении ойратов в конце XVI – начале XVII вв., т.е. известную территориальную удаленность ойратов от Тибета, постепенное сосредоточение светской власти в руках единодержавного ойратского хана [2. С. 102–103]. Тем более отмеченное относится к калмыкам, перекочевавшим к Каспийскому региону в начале XVII в.

Однако была сила, крайне заинтересованная в укреплении этого института среди ойратов – это маньчжуры. Цинской маньчжурской династии принадлежит большая роль в распространении института инкарнаций у ойратов и монголов, поскольку во внешней политике буддизм был для них инструментом умиротворения и ограничения захватнических интенций монгольских народов.

Политика покровительства маньчжурами различных тибетских буддийских школ началась до захвата Пекина в 1644 г.: так, еще в 1638 г. маньчжуры для специально построенного храма в Мукдене получили от хана Лигдана, прямого потомка Чингисхана, статую Махакалы – грозного защитника буддийского учения. Первые контакты маньчжуров с тибетскими ламами были в начале XVII в., сам Нурхаци (1559–1626), основатель династии, на церемонии объявления себя ханом в 1616 г. с почтением принял к своему титулу буддийское слово «генг-ген» (монг. «ге-ген» – святой) от ламы (бак-

ши) Эрдени (видимо, представитель школы Гелук), а в 1621 г. принял посвящение от ламы Олуг Дархан Нанцо (представитель школы Сакья). Школа Гелук оказалась под патронажем императорского двора с указа императора Фу-линя (1638–1662), изданного в 1653 г.

Маньчжуры усиливали контроль над Тибетом и монгольскими племенами, используя разные инструменты, в том числе обладанием на территории последних земельными владениями, значительным количеством скота; однако использование лам было одним из наиболее эффективных средств воздействия. С целью более надежного контроля над ситуацией у своих опасных соседей маньчжуры воссоздали институт высших «перерожденцев» у монголов и назначили главой буддистов Южной Монголии Чанакья хутухту (Chang- lchang skya ngag dbang blo bzang chos ldan, 1642–1714), а в Северной Монголии – Джебцун Дамба хутухту (rje btsun dam pa, 1635–1723, также известны как Богдо-гэгэны), инкарнации известного тибетского ученого и историка Таранатхи (1575–1634) (2).

У ойратов ситуация была несколько иная, нежели у восточных монголов. Хотя ламы обладали значительным влиянием на ойратских ханов, их роль в обществе определялась прежде всего политическими потребностями складывавшегося союза этих западно-монгольских племен. Ламы были, как правило, высокого происхождения [7. Р. 58], и практика нахождения инкарнаций среди ойратов была довольно ограниченной. Ойратские лидеры, для которых буддизм был скорее идеологией, чем религией, стремились не допускать появления лиц, могущих претендовать на господствующее положение в установившейся иерархии власти, ссылаясь при этом на высший авторитет.

Ограниченность числа «перерожденцев» – это, скорее, показатель высокой степени буддизации общества, если понимать при этом буддизм не как всепроникающую религиозную концепцию, но как определенную идеологию сильного государства, соответствующую высокоразвитой культуре западных монголов.

Вместе с тем буддизм для ойратов имел огромное значение. Понимая стратегию Китая в отношении тибетского буддизма как инструмента и метода в умирении воинственных кочевников, зная об определенной зависимости от Пекина глав тибетских буддийских школ, ойраты старались не попадать под полное влияние тибетского руководства. Даже хан Гуши, стремившийся к созданию единой державы под знаменем учения Цзонкхапы (1357–1419, основатель школы Гелук) и фактически ставший инициатором теократической формы правления в Тибете во главе с Далай Ламой, не желал передать всю полноту власти в руки духовенства. Доказательством этому является тот факт, что он и его преемники были безраздельными хозяевами Страны снегов, получив в тибетской историографии прозвание «царей Тибета».

Если у монголов традиция выхода ламства (в основном высшего) из среды знати существовала продолжительное время, то у ойратов она разви-

валась по-разному, ввиду их территориальной разобщенности. Как отмечалось выше, часть ойратов (в основном торгуты и дербеты) переместилась на южнороссийские земли в районе Прикаспия, и традиция поиска и обнаружения инкарнаций у них, очевидно, прервалась. У нас практически нет данных о том, насколько в Джунгарском и Хошутском ханствах сохранялась эта традиция, поскольку ее наличие, или, вернее, устойчивая преемственность зависела от политических коллизий, которых было немало в истории этих государственных образований. Как писал А.М. Позднеев, хубилганство распространилось среди ойратов «в период маньчжуро-китайских войн в Чжунгарии», когда «поколение Дурбэтов [дербетов. – Б.К.] должно было отделиться от союза [ойратов. – Б.К.] и перекочевать в Улан Кам, явившись, таким образом, в ближайшем соседстве с Халхою. Нет сомнения, что именно это соседство Халхи и связь с Халхасами роковым образом повлияли на развитие буддизма среди Дурбэтов» [5. С. 235 (прим. 1)], то есть привело к появлению среди них «перерожденцев».

Вопрос о появлении «перерожденцев» среди торгутов, вернувшихся в 1771 г. в Китай, требует отдельного изучения.

Одним из наиболее известных лам, давших линию торгутских инкарнаций, был лама Анджа (Анджатан), современник не менее известного ламы Шакур (3). Автор уже проводил предварительное исследование жизни Анджаламы в одной из своих прежних работ по истории буддизма у ойратов [3], поэтому последующие выдержки даются по источнику (4), далее по тексту – «Происхождение»), опубликованному в Приложении к той работе.

Анджа был направлен на учебу в Тибет из «страны торгутов на реке Иджил (Волга)», и получил образование в монастыре Дрепунг. Его сокурсником был Кемпотан, выходец из знатного рода «джунгарских ойратов на реке Или» (5). Их учителем был знаменитый Нгаванг Цонду (ngag dbang brtson 'grus) – первый «перерожденец», основавший линию «перерожденцев» Джецун Чжамьян Шадба (tje btsun 'jam dbyangs bzhad pa), занимающих видное место в истории школы Гелук. Чжамьян Шадба был настоятелем Гоманга в 1700–1707 гг., и, по всей вероятности, все это время он был духовным наставником указанных ойратских лам. Лама Анджатан провел в Тибете более 25 лет, и вернулся на родину к волжским калмыкам с высокой ученой степенью рабджамба, с подарком от Далай Ламы VI (6) в виде нескольких танок.

В источнике нет информации о том, были ли инкарнации ламы Анджи до его поездки на учебу в Тибет, равно как и о поиске и нахождении его нового воплощения после кончины ламы.

В тексте «Происхождения» упоминаются семь учеников ламы Анджатана – Хаслун (haslun) и Нусха Таши (nusuhe bkra shis) из рода кереитов, Цултрим (tshul khirms) и Йонтен (yon tan) из рода цатан, Драгпа Таши (grags pa bkra shis) из рода барун, Оргунджам Таши (or gun byams bkra shis) из рода шабинеров и Лодро Зангпо (blo gros bzang po) из рода хошутов. Они, видимо, были известными деятелями буддизма среди калмыков, а некоторые из

них или их ученики ушли в 1771 г. в Джунгарию, когда большая часть народа решила вернуться на прежнюю родину. Таковы основные результаты изучения «Происхождения».

Что касается событий, связанных с инкарнацией Анджа-ламы после 1771 г., то определенные сведения можно почерпнуть из своеобразного источника – текста (далее в статье – «Некролог»), написанного (выбитого) на китайском и старокалмыцком («ясным письмом») языках на постаменте памятника Анджа-ламы, возведенного недалеко от Турфана в СУАР КНР (7).

Рис. 1. Фото памятника ламе Андже

Согласно Некрологу, всего было 19 инкарнаций Анджа-ламы, и они длились 386 лет. Последнего звали Лобсан Даньби Ньима (1918–1985), он был торгуттом, в 1923 г. был признан перерожденцем Анджа-ламы и таким образом стал продолжателем линии инкарнации этого ламы. Известным был Седьмой Анджа-лама Лобсан Тензин, который в 1771 г. «был одним из тех, кто повлиял на решение торгутского племени вернуться на Родину».

Надо отметить, что текст Некролога в немалой степени наполнен восхвалениями в честь последней инкарнации Анджа-ламы за верность интересам Отечества и КПК. В частности, отмечается, что Анджа-лама XIX «поддерживал КПК и внес огромный вклад в развитие китайского народа», «бо-

ролся с империализмом», «пожертвовал 7000 юаней Движению за сопротивление американской агрессии и оказание помощи корейскому народу» и др. Приведенные обороты и фразы, равно как и «продолжение» инкарнаций Анджа-ламы в Китае, позволяют прийти к заключению о значительной роли цинских и коммунистических органов власти в становлении и развитии этой линии «перерожденцев».

Рис. 2. Фото с текстом Некролога

Некролог, безусловно, подлежит дальнейшему изучению и сопоставлению с другими источниками, поскольку есть ряд несоответствий с уже известными сведениями из «Происхождения» и других источников. Так, в Некрологе отмечается, что «в 1616 г. он под именем Гелек вместе с... Лобсаном [вероятно, речь идет об упоминавшемся выше Кемпотане из Джунгарии, которого звали Лобсан Пунцок – Б.К.] обучался в лхаском монастыре Дрепунг, где под наставничеством будды Байцзя муян [вероятно, имеется ввиду Джамьян Шадба – Б.К.] принял обеты анджатана».

Очевидно, что данная информация сомнительна, поскольку известно, что Анджа-лама вернулся к калмыкам незадолго до джунгарского нашествия в 1717 г. – может, около 1716–1717 гг. Следовательно, приведенную выше дату 1616 г. следует считать ошибочной, речь, скорее, идет о 1716 г., когда он закончил обучение в Дрепунг Гоманге и отправился на родину в Повол-

жье. Также вызывает сомнение информация о «принятии обета анджатана», поскольку такого обета в тибетском буддизме не существует, и Анджатан – это более уважительная форма от имени Анджа. Если под Лобсаном действительно имелся ввиду Кемпотан (также известный как Гоманг Лаза Лобсан Пунцок), то он хорошо прослеживается по тибетским источникам в связи с событиями джунгарской оккупации и периодом руководства Джамьян Шадбой монастырским университетом Дрепунг Гоманг в начале XVIII в.

Таким образом, описанные в Некрологе события за 1616 г. в действительности имели место на век позже. Что касается генеалогии, то она тоже нуждается в подробном изучении; разница в именах (вариантах написания) может не иметь принципиального значения, т.к. могли приводиться имена как собственные, так и тибетские.

Генеалогия ламы Анджатана

1	Первый Анджатан-лама	Луцэн Дадэрджи
2	Второй Анджатан-лама	Луцэн Гэлеке
3	Третий Анджатан-лама	Луцэн Сюнгели
4	Четвертый Анджатан-лама	Луцэн Гэдун
5	Пятый Анджатан-лама	Луцэн Данболи
6	Шестой Анджатан-лама	Луцэн Дануму
7	Седьмой Анджатан-лама	Луцэн Данзен
8	Восьмой Анджатан-лама	Луцэн Силивэнь
9	Девятый Анджатан-лама	Луцэн Заоду
10	Десятый Анджатан-лама	Луцэн Зонггулу
11	Одиннадцатый Анджатан-лама	Луцэн Джамйинг
12	Двенадцатый Анджатан-лама	Луцэн Лекеси
13	Тринадцатый Анджатан-лама	Луцэн Сангмутенг
14	Четырнадцатый Анджатан-лама	Луцэн Дидиу
15	Пятнадцатый Анджатан-лама	Луцэн Данбулида
16	Шестнадцатый Анджатан-лама	Луцэн Тэмэнгут
17	Семнадцатый Анджатан-лама	Луцэн Дандели
18	Восемнадцатый Анджатан-лама	Луцэн Жэвуэнь
19	Девятнадцатый Анджатан-лама	Луцэн Алуцэ

Нам неизвестна дата смерти ламы Анджатана после возвращения из Тибета. Если допустить, что он вернулся около 1716–1717 г. после 25-летнего обучения в Тибете, куда он мог направиться в возрасте около 10 лет, и у него была целая плеяда учеников, а последующая инкарнация оказала влияние на решение хана Убаши вернуться в Китай в 1771 г., то можно предположить, что он мог скончаться около 1750 г.

Таким образом, изучение инкарнаций у ойратов и калмыков является важной страницей в истории буддизма у этих западно-монгольских народов. Отсутствие специальных работ по инкарнациям является следствием недостатка источников, а имеющиеся требуют тщательного критического разбора, что наиболее очевидно на примере описания линии «перерожденцев» Анд-

жа-ламы. Следует также принимать во внимание активность цинских органов власти и управления, стремившихся описать деятельность хубилганов с точки зрения государственных интересов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Линия Зая пандиты продолжается фактически до сих пор – Восьмая инкарнация этого великого ламы была настоятелем монастыря Лавран (основан Джамьян Шадбой в 1716 г.) в пров. Цинхай (КНР); по неподтвержденным сведениям, этот лама скончался в 2015 г.
- (2) Богдо-гегены сыграли будут играть видную роль в истории монгольской сангхи и самого монгольского государства вплоть до начала XX в. Последняя инкарнация Джебцун Дамба хутухту IX скончалась в марте 2012 г., и скоро начнутся поиски очередного «перерожденца». Мне приходилось общаться с этим замечательным деятелем, который всегда тепло отзывался о России и беспокоился дальнейшим развитием буддизма у нас в стране.
- (3) Подробнее о жизни и деятельности ламы Шакур см.: Baatr Kitinov. Shakur Lama: The Last Attempt to Build the Buddhist State // *Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society*. Ed. by V. Wallace. Oxford University Press, 2015.
- (4) Источник называется «Происхождение Дхарма-линий в стране торгоутов, благотворной, всеблаженной и всеочищающей».
- (5) Лама Кемпотан сыграет негативную роль в период оккупации джунгарами Тибета в 1717–1719 гг., в частности, инспирировал погром монастырей таких направлений тибетского буддизма, как Ньигма, Кагью, Джонанг, а также Бон.
- (6) В работе «Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.)» [3] автор неверно полагал, что это был Далай-лама VII. В источнике было указано только общее наименование всех далай-лам – Кьябгон Гьялва ринпоче. Ошибка была вызвана слабой изученностью биографии и жизнедеятельности ламы Анджа, что не позволяло конкретизировать время его возвращения на родину. Таким образом, речь в источнике идет о втором Далай-ламе VI Наванге Еше Гьяцо (Ngag dbang Ye shes Rgya mtsho), вероятном сыне ойратского хошутского хана Лхавзана, который был назначен «истинной инкарнацией» вместо прежнего Далай-ламы VI Цаньян Гьяцо (Blo bzang Rin chen Tshangs dbyangs Rgya mtsho, 1683–1706). См.: [3. С. 133–134].
- (7) Снимки памятника, а также Генеалогия инкарнации ламы Анджатана мною используются с любезного разрешения китайской исследовательницы Да Ли (Da Li, Minzu University of China).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX вв.). Улаанбаатар, 1960.
- [2] Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1983.
- [3] Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2004.
- [4] Норбо Ш. Зая-пандита. Материалы к биографии. Элиста, 1999.
- [5] Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. 2-е изд. Элиста, 1991.
- [6] Heissig W. *The religions of Mongolia*. London-Henley, 1987.

- [7] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // Bulletin of the Institute of China Border Area Studies. Taipei, 1971. № 2.
- [8] Baatr Kitinov. Shakur Lama: The Last Attempt to Build the Buddhist State // Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society. Ed. by V. Wallace. Oxford University Press, 2015.

REFERENCES

- [1] Bira Sh. Mongol'skaja tibetozazychnaja istoricheskaja literatura (XVII–XIX vv.) [The Tibetan Historical Literature (XVII–XIX centuries)]. Ulaanbaatar, 1960.
- [2] Zlatkin I.Ja. Istorija Dzhungarskogo hanstva (1635–1758) [History of Jungarian Khanate]. M.: Nauka, 1983.
- [3] Kitinov B.U. Svjashhennyj Tibet i voinstvennaja step': buddizm u ojratorov (XIII–XVII vv.) [The Sacred Tibet and Warlike Steppe: Buddhism among Oirats (XIII–XVII centuries)]. M.: T-vo nauchnyh izdanij KMK, 2004.
- [4] Norbo Sh. Zaja-pandita. Materialy k biografii [Zaya-Pandita. The Materials to Biography]. Jelista, 1999.
- [5] Pozdneev A.M. Oчерki byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva Mongolii v svjazi s otnoshenijami sego poslednego k narodu [The Essays of the daily life of Mongolian Buddhist monasteries and the Buddhist clergy and their attitude to people]. 2 izd. Jelista, 1991.
- [6] Heissig W. The religions of Mongolia. London-Henley, 1987.
- [7] Jagchid S. Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty // Bulletin of the Institute of China Border Area Studies. Taipei, 1971. № 2.
- [8] Baatr Kitinov. Shakur Lama: The Last Attempt to Build the Buddhist State // Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society. Ed. by V. Wallace. Oxford University Press, 2015.

LAMA ANDZHATAN: REINCARNATIONS OF TEACHER

Baatr Kitinov

The Department of the World History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maclay str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The article examines the phenomenon of incarnation that took place among the Kalmyks and Oirats (Torghuts, Jungars, Derbets, Khoshuts) in the XVI–XVIII centuries. Particular attention is paid to incarnations of the well-known Kalmyk (Torghut) Lama Andzhatan (XVII–XVIII centuries), whose activity had had a significant impact on the history of Buddhism among Kalmyks. For the first time in the Russian historiography the author uses the special source – the text, written on the pedestal of the monument to the 19th incarnation of Lama Andzhatan – Lobsang Nyima Danbi (1918–1985), which summarizes the history of the incarnations of this Buddhist leader. The analysis of the text leads to the conclusion that Lama's incarnations had been continued (or had been resumed) after the exodus of the Kalmyks to China in 1771, thanks to the policy of Qing dynasty, aimed to use religion in the state interest.

Key words: Anjja (Andzhatan), the Dalai Lama, Tibet, incarnation, Oirats, Kalmyks, Manchus.